

Алишер Навои

Народы советской Родины торжественно отмечают 500-летие со дня рождения великого узбекского поэта и мыслителя Алишера Навои.

В мрачную феодальную эпоху, в эпоху обострения классовых противоречий между феодализмом и трудовым народом, религиозного фанатизма и невежества, Навои смело поднял свой голос в защиту разума, справедливости и гуманности, в защиту прав человеческой личности, в которой он видел мерло всех ценностей на земле.

Он мечтал об идеальном государстве, в котором справедливость и уважение к человеку, восхождение его трудом, национальное равенство будут основными законами общества, где основной заботой правителей будет забота о благосостоянии страны. Политические и социальные взгляды Навои были, конечно, исторически ограниченны, в своих замыслах он не стремился к уничтожению эксплуататоров. Однако в те далекие времена неограниченной, человеческой демократии, достигнув эти взгляды были прогрессивны, и они высоко поднимали Навои над его жестоком веком.

Покоряет и восхищает та смелость, с которой Навои беспощадно бичует в своих произведениях властителей, угнетателей народ, жаждящий и бесчеловечности их прислужников — представителей придворной и дворцовой камарилы. Достойна удивления благородный образ самого поэта, который, будучи в течение многих лет в плену (мани-строн), последовательно пытался осуществить в своей практической деятельности заботу о благосостоянии страны: проводил оросительные каналы, строил школы, мосты, больницы, бани, больницы.

Величественные образы его поэм — Фархад, Ширин, Девлет, Бахр, Искендер и другие — служили для многих поколений образцом душевной чистоты и высокого благородства в борьбе не утратив своего обаяния и воспитательного значения.

Поэтический творчество Навои было огромным шагом вперед в развитии узбекской литературы, уходящей корнями в глубокую древность. Он не только, в отличие от своих предшественников, вел в поэзии мотивы социальной и политической жизни, но и положил основание реалистическому изображению характера. Он, наконец, стал основоположником новой узбекской литературы, смело отбросившим устаревшую традицию создания литературных произведений на арабском и персидском языках и с подлинным гением раскрыл несомненно современное рождение узбекского языка. Навои хотел, чтобы его слышали народ:

Мой труд! Найди к душе народной путь,
Народу моему желанным будь!

Огромное творческое наследие Навои — шесть поэм, четыре лирических сборника и ряд прозаических и историко-литературных трудов — оказало колоссальное влияние на развитие литературы и прогрессивной общественной мысли Средней Азии и всего Ближнего Востока. Традиция Навои развивалась в узбекской литературе, как традиция культуры демократической, ставшей своей задачей служение интересам народа. Благодаря этим усвоенным традициям узбекские писатели и поэты в XIX веке установили прочную связь между узбекской литературой и самой мировой и демократической литературой мира — русской, что явилось новым шагом вперед в развитии узбекского искусства. Первые научные работы о Навои были написаны русскими учеными.

После Великой Октябрьской социалистической революции с помощью русского народа, под руководством большинства партий Узбекистана превратился в светлую советскую республику, создана новая узбекская культура, национальная по форме, социалистическая по содержанию. Прогрессивное влияние переводов русской культуры подняло литературу Узбекистана, как и литературы других народов советского Востока, на небывалую высоту. Многие поэты и прозаики Узбекского Узбекистана — Гафур Гулям, Миртемира, Аббас, Уйгуна и многих других — широко известны во всей стране. Узбекская художественная литература

выступила поистине в постановке и решении в произведениях писателей коренных, важнейших тем социалистической современности. Успехи советского литературоведения впервые раскрыли значение и огромную роль, какую играли в прошлом литературы наших народов в развитии культуры человечества.

До революции творения Навои были доступны лишь очень узкому кругу узбекской интеллигенции, народ знал о них лишь из устных переводов народных певцов. Новые произведения Навои широко известны не только в Узбекистане, ставшем страной единой грамотности, — они переведены на ряд языков советских народов: украинский, киргизский, таджикский и другие.

Благодаря поэту на русском языке вышли «Патерица» (пять поэм) Навои, его лирика, отдельные издания поэм «Девлет и Ширин», «Фархад и Ширин». Промышленная культура народов советских республик все более становится достоянием человечества.

Важнейшие и ответственнейшие задачи возникают в связи с этим перед исследователями истории литературы братских республик.

До сих пор в нашем литературоведении нет полной ясности по некоторым основным вопросам литературного наследия. Так, в исследованиях, посвященных прошлому литератур, часто не получает четкого воплощения гениальная мысль Ленина о наличии двух культур в каждой национальной культуре. Поэтому нередко в этих исследованиях царит с великим прогрессивным деятелем и мыслителем неадекватно понимаются и возмущаются в представителях реакционной идеологии эксплуататорских классов.

Важнейшие исторические судьбы народов Средней Азии нередко побуждают ученых-исследователей к тому, что свою основную задачу выискивания вылаз, сделанного тем или иным народом в историю культуры, они понимают бесцельным исследованием различных «влияний» со стороны. При этом забывается существенный исторический факт — разделение литературного наследия покоренных народов на два направления: завоевательное, как, например, присвоение персами в турки литературного наследия азербайджанцев или превращение пришлых правителей в культуру народа. Невнимательные литературоведы к подобному рода фактам приводят к тому, что утрачивается исторический приоритет народов, ныне ставших советскими, в создании культуры Среднего Востока.

В то же время основное влияние в XIX веке переводов русской культуры, обусловленное в конечном счете тотальным скачком в новое качество, который сделали литературы народов советского Востока с появлением советской художественной литературы, часто вовсе обходятся исследователями или ставится в один ряд с восточными «влияниями».

Ряд подобных ошибок в важнейших вопросах развития литературы, явления некоего низкопопозитива перед культурой феодально-буржуазного Востока способствуют сохранению буржуазно-националистических пережитков, тормозящих развитие литературы советских народов. Полное избавление от обреченных взглядов и концепций в условиях того успешного развития братских литератур, которое происходит в нашей стране, будет новым стимулом к их дальнейшему проплетанию.

Пусть же юбилей великого Навои, на который сегодня сходились в столице Советского Узбекистана представители литературы всех советских народов, будет не только данью уважения памяти народного гения, но и новой вехой на пути дальнейшего литературного развития, решения вопросов, поставленных жизнью перед нашей художественной литературой, критикой и литературоведением. Пусть этот праздник культуры — новое, яркое свидетельство дружбы братских народов Советского Союза — послужит дальнейшему укреплению идейного единства всех советских людей, новому торжеству ленинско-сталинской национальной политики, дальнейшему возвышению социалистической культуры многонационального советского государства.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА
СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 39 (2422)

Суббота, 15 мая 1948 г.

Цена 40 коп.

ГЕНИАЛЬНЫЙ ПОЭТ И МЫСЛИТЕЛЬ

В желтой, безводной Катта-Бурганской котловине ходят голубовато-зеленые волны «Узбекского моря»; через пустынные прибрежные холмы, где бегали лишь ящерицы и шумел песком горячий ветер, прокатываются трассы железнодорожного пути Чарджу — Бунград; белый хлопковый океан заливает просторы Узбекистана; высятся мощная плотина Фархад-строя, дымят трубы металлургического гиганта, стучат зубчатые машины в ферганских шахтах, на новых улицах Ташкента, залитых электрическим светом, идут толпы молодежи — завтрашних строителей, прорывающих, инженерно-геологов, летят самолеты в Хорезм, и школьники сидят под вековыми деревьями Самарканда, города, не помнящего для своего основания, и читают бессмертные строки великого Алишера Навои.

И кажется сказочным само то, что он написал. И он тогда-то сидел в тени исподлинных карагачей и тополей в своей ранней юности, и ему снился сказочный сон о людях-богатырях, и, может-быть, тогда являлись ему в детских грезах подвиги Фархада и прекрасные черты бесстрашных и умных красавиц с нежным сердцем и непоколебимой страстью.

Он глядел на пыльные базары, на ипподомы с желтыми тыквами, на деревянные, косматые и сморщенные излобы, на гиссарских жеребцов, играющих под колокольными наездниками в раззолоченных одеждах, на скромных учеников медресе, на медальоны купцов, с ног которых падают и пылают старые, широкие туфли, на закутанных в пелавскую кисею женщин, торжественно пробирающихся со служанками по узким переулкам, на уличного пса, пишущего письма неграмотным крестьянам, на терзаемых с безумными лицами, опирающихся на глиняные дувалы, на все многообразие человеческой судьбы, на смесь унижения, гордыни, страха, властолюбия, низости и веры в счастливую судьбу.

Потом он вырос и навсегда запомнил день, когда в осеннем тумане заде дворца, среди ошала и блеска пивов и пашей, он читал величественную оду, длинную и звонкозвучную, султану Хусейну по случаю вступления его на престол. С этого часа он стал привороженным, вошел в таинственный, сложный, грозный мир случайностей дворцового мира, губительный, неумолимый, жаждущий справедливости души. Но он не погубил души. Он был знатоком искусства, покровителем наук, другом народа. Но выше всего в нем возмалась волна вдохновения.

Он стал поэтом, и поэт в нем преобладал над всеми другими его талантами. Он знал, что и до него писали на узбекском языке. И он был без ума от соблазнительных, восторженных, колдовских стихов Аттая, от удивительных строк Лутфия. И ему самому захотелось писать, как они, захотелось возвыситься родной язык и доказать, что он обладает всей силой, какой обладает персидский язык и арабский язык. Он писал по-персидски так хорошо, что мог остановиться на этом, совершенствуя свой стиль и удовлетворяя всеобщим признанием. Но он не был бы Навои, если бы не был на голову выше своих современников, если бы не считал, что стихи, написанные на родном языке, поднимают его национальную гордость, что это — гордость, нужное, да, государственное дело.

Он был наделен от природы всевозможными талантами и такой кипучей энергией, что его хватило на несколько человек. Кому же посвятить все эти силы? Суженному мимолетной красоте, тревогам сражений, поискам удовольствий, охоте, путешествиям? Нет, — все, что было в нем живого, рвалось к необыкновенному свету, проплетавшему всю жизнь. Это необыкновенное был народ. Тот народ, что строил государственные постройки, ткал, сеял, молотил, строил дороги, мосты, терпел лишения, платил бесконечные налоги, терпел голод, переносил разорения войн и набегов, работал на господ, светских и духовных.

Чтобы спасти народ от грабительского налета, он временами сам уплативал за него часть этого налога. Чтобы дать привилегии, превращенным в искусство, он строил для них жилища, где они могли жить тихой жизнью отшельников, прислушиваясь своей страсти, быть то живыми или философами, наука или поэзия.

Он строил больницы, общежития, школы, бани, каналы. Если бы ему позволили, он все богатства казны обратил бы на

Николай ТИХОНОВ

сооружения новых городов, где человеку было бы легко и хорошо жить. Он бы собрал со всей страны лучших музыкантов, художников, ученых в город, где сам жил, и все дал бы, чтобы только они могли заниматься без помехи своим делом.

Он хотел, чтобы его султан принимал людей из народа, как отец принимает своих детей, и заботился о них, чтобы далеко шла слава о добром и строгом правителе, не терпящем произвола и любящем справедливость. Скоро он попытался глубочайшее разочарование. Его султан до поры до времени благосклонно слезил, как переносился исторические хроникеры, строили новые здания, устраивались выставки народных ремесел, исполнялись новые музыкальные произведения. Сам султан был талантливым поэтом и почитал в искусстве, но он еще знал, что на этом он не удержит власти. И тогда кончилась Навои-визия.

Но поэт Навои заговорил с новой энергией. Если бы силой волею перед ним тогда предстал узбек сегодняшнего дня, Герой Социалистического Труда, он бы позвал друг друга, — не потому, что Навои так легко проникся бы истинными напыщенными, — нет, они бы позвали друг друга по страсти к совершенному творческому делу, по силе внутреннего огня, по вдохновению трудового поэта, вдохновению, не знающему границ.

Навои любил труд. В поэтическом деле он трудился на всех поприщах. Сорок семь тысяч строк входят в сборник «Чарджуна», пятьдесят три тысячи строк — «Хамза» («Патерица»). Все формы стиха, все виды стихотворных произведений обильно им всеохватностью своего творческого дара.

Все это посвящалось человеку.

Высоким званием «человек» достоин тот, кто о народе никогда не ослаблял забот.

Вот почему, начиная величайший свой труд — «Патерицу», он искал даже в самых аллегорических, самых фантастических образах воплощения своей потаенной мечты — человечности в ее высшем выражении. Задаю то Шекспира поднял он человеческие страсти на такую поэтическую высоту, что они до сих пор заставляют трепетать человеческие сердца. Эти страсти — высочайшего языка, где храбрость воина соревнуется с верностью к любимой, а справедливость торжествует даже в смерти. Любовь живет не как в рыцарском романе, условно и жеманно, а в таком стремительном, безудержном движении, что захваченные ею погубят, не отступая, потому что они не могут, даже если бы захотели, отступить.

Если бы он отступал, он не стоял бы, чтобы о них писал Навои. Сильным много он вывел в жизни картин человеческого падения, вероломства, egoизма, слабости духа, чтобы не понимать, что речь идет только о преодолении границ времени, о превращении бедности, когда будут возможны такие характеры, какие, — он верил, — выйдут из народа, когда придет век всевластных владык, век угнетения и несправедливости.

Просто удивительно представить Навои среди людей его времени. Провожавший злыми взглядами застенчивого, неважно роковой знати, застенчивого поэта, не пропавшего «презрительно» сладкой персидской поэзии, променявшему эту сладость на звуки родного языка, окруженный подлинным вниманием султана Хусейна, превращавшегося в крайний мекхостей, валившихся по коврам с наложницами, среди интриг гарема и интриг, — провозглашал Навои свою страсть, инда вперед только валившуюся катастрофа, которая должна была по развалинам государства похоронить и его несбытанные надежды.

И тогда героя его поэм было той вострой о нем самом, которую он посылал в будущее. Он взял этих героев из прошлого, из древних преданий, не раз вдохновлявших поэтов. Но

...предания эти — плод седых веков,
О них писали Низами, Хосров.
Основной азия, и перестрой их,
Я жизни больше азия в героев их.

И это была правда. Их жизненные силы не уступали ни героям Хосрова, ни героям Низами. На поединке великих он был великим. И была огромная разница, огромная новизна в том, что он писал о Фархаде и Ширин, Девлет и Моджуно, Диларам и Бахрме, Искендере и его окружении.

Он ломал рамки времени, и его трудно было понимать в таком хитрецу-калме, как Хаджи Ахрар, который высасывал кровь из своих крестьян, притворялся боготелом бедных, в такому грубому сабрату, как Межд-ад-Дин, который не понимал, к чему строить здания общественно-пользования с таким упорством, как это делал Навои.

А сам Навои разве не помнил страшный копей покровителя наук, человека, успешного в мир небес, в мир астрологии, знавшего звалю на небе лучше, чем людей на земле, копей философа, забывшего про жосткую, беспощадную борьбу за существование, — неповторимого Улугбека, сына Шахруха, звука великого Тимура.

Мог ли он — Навои — уклониться от этой жизни савоника, полной превратностей и разочарований! Уже давно миновали те времена, когда он мог влиять на султана и, влиять, думать, что он улаживает жизнь народа, обогатит его страдания. Эти сны далекого прошлого миновали, как первые поэтические опыты, несовершенные, но искренние. Теперь можно только спастись бегством. Куда? Все равно куда. В даль земных просторств. В Мекку, в священное путешествие к святым местам полного одиночества. Не в ту реальную Мекку, в которую он не верил. Он не был безбожником, как не был мятежником или востигавшим возмущением. Он верил в бога и его пророка, но считал, что бог не может стоять на пути совершенствования людей, иначе — зачем бы он дал разум ученым и позволил существовать науке?

Патристическое в Мекку нужно было для последнего утверждения своей свободной личности. Междун хотел улететь в пустыню, чтобы там говорить название со своей Девлет, мечтой жизни, скользнувшей перед ним влекущим, заманчивым видением. Но султан Хусейн был земной, старый, угнетенный всеми пороками человек. Он должен был идти походом на старости лет против собственных сыновей. В лагере под Мары получил он через придворного врача Абд-ал-Хан просьбу Навои о разрешении путешествия в Мекку. Хусейн, вероятно, усмехнулся криво усмехкой, читая эту просьбу. Он отказал и просил передать, что ехать небезопасно — могут убить в дороге, потому что в оврагах Ирака междоусобица. Навои понял, что если он отразится, то его действительно убьют, и не повстанцы Ирака, а собственные слуги Хусейна. Он знал султана слишком хорошо.

Но можно было изобрести пустыню, не отразившись в Мекку. Он собрал своих ученых, сенцов, казней и открыл им свое решение — навсегда улететь от двора, вообще от светской жизни, стать отшельником, погрузиться в блаженство духовной жизни. Но было уже поздно. Смерть караулила его на дороге.

Султан искренне оплакивал его, потому что он любил его стихи, но не мог понять, что нужно было их созиданию от него — султана Хусейна, так «дружески» следившего за своим визирем.

И сегодня Алишер Навои родился вновь — среди освобожденного родного народа, который больше не знает султанов, угнетения, нищеты. Сегодня снова звучат стихи великого поэта среди шума новой жизни, где творческий труд, о котором так мечтал Навои, превратился в социальные дела, и земля покрыта не развалинами, поросшими травой, а цветущими городами и холмами.

Весна нового строительства идет по берегам великих рек, по перевалам гор, наполненных глом трудовых будней, по полям в агит, через новые плотины и каналы, несущие быструю водную воду во все концы Узбекистана, и в большом красивом зале театра имени Навои на встречу зеленой весне звенят, как горные ручьи, стихи великого поэта, притягивая из далеких веков живые струи искрящегося вдохновения — источник глубокой человеческой радости и вечной творческой энергии!

Ташкент в эти дни

ОТ НАШЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
КОРРЕСПОНДЕНТА

Ташкент стоит в великолепном убранстве мая: густые насады лип на улицах, высокие, пышные, как свечи, пирамидальные тополя и зеленые барьеры тротуаров украшают город. Всюду предвзвездный октябрь. Ташкент принимает гостей. Присаживают писатели, ученые, артисты России, Украины, Белоруссии, Казахстана, Среднеазиатских, Закавказских и Прибалтийских республик, гости из стран новой демократии, гости Афганистана, Индии, Ирана.

У всех советских писателей томила Навои, казенные на языке того народа, который представляет гостя. Это не вышние и редкостные рукописи времен тимуридов, а простые печатные книги без претензий на роскошь, но нежные многостраничные тиражи. И, глядя на эти огромные тиражи, будто видишь Навои в гостях у рыбаков Балтики, у крестьян Полесья, в домах доменных шахтеров или тульских оружейников.

Но нет на земле людей, которым поэзия Навои была бы ближе в дороге, чем узбекский — народу, сыном которого был этот поэт и философ, основоположник родной узбекской литературы.

Где-то далеко-далеко за рубежами Советского Союза несут гарнизонную службу в оккупационных войсках узбекские воины-гвардейцы: майор Ахмед Мамалжанов и сержанты Джабаров в Кадиров. От них пришло недавно в Ташкент письмо, адресованное Союзу советских писателей Узбекистана:

«Дорогие друзья! Мы прочитали в «Литературной газете», что правительство Узбекской ССР постановило считать 15 мая 1948 года днем празднования пятилетия со дня рождения Алишера Навои. Мы просим вас прислать нам материалы о жизни и деятельности поэта, чтобы и нам на чужбине отметить славный юбилей нашего великого земляка».

Народная любовь к Навои всегда оставалась неизменно широкой и ровной, и в наше время рождался тысяча новых стихотворных и песенных вариаций его поэм. Мы слышим эти вариации в современных стихах старейших народных поэтов Узбекистана — Саки, Саифи, Камали, Хаккири, в музыке старого ташкентского уличного музыканта Шаумуроза, сын которого четверть века назад был первым постановщиком музыкальной драмы «Фархад и Ширин», написанной на слова Навои по народным мелодиям.

Народ, что память поэта, присвоил его имя десяткам колхозов, театрам, университетам, библиотекам — многими из того, что создано в светлую послеоктябрьскую эпоху, имя Фархада носят тысячи молодых узбеков.

Ни один музей мира не обладает таким собранием рукописных изданий основоположника узбекской литературы, какими владеет Ташкентский институт по изучению восточных рукописей Академии наук Узбекистана.

Впервые попав в прохладу маленьких зал института, вы невольно чувствуете себя пилигримом, совершающим путешествие в глубины многовековой истории. Среди четырнадцати тысяч томов, включающих сто тысяч произведений по всем отраслям знаний средневекового Востока и в изданиях на персидском, арабском и тюркских языках, хранятся, как самые дорогие реликвии, уникальные рукописи Алишера Навои в первоначальном его поэм.

Старый русский профессор-востоковед Александр Александрович Семенов в человеке примерно его же лет, известный библиограф мусульманской литературы Абдулла Насиров снимает с полок знаменитые по красоте древние книги Навои. Но даже азия их в руки, вглядываясь пристально в ажурный текст и обрамляющий его тончайший орнамент, вы еще не можете познать всех тайн непреодоленного искусства средневековых мастеров Востока.

Представьте себе книгу немногим больше среднего формата. Это «Собрание стихотворений дествта» Навои, переписанное еще при жизни поэта в 1492—1493 годах «шарем каллиграфов» Султаном-Али-ал-Мешехи. Книга считается шедевром гратского каллиграфического искусства XV столетия. Ее страницы сделаны из шелковых очесов и волокон конопли. Они покрыты тонким слоем жидкой клейкой массы пшеничной муки, доведенной до кипения. После просушки в тени каждую страницу ложили агатовые «субо» или особой раковины, и бумага приобретала тот тусклый блеск, который она сохранила до наших дней. Рукописный текст книги врезан в широкие поля, разукрашенные причудливыми восточными рисунками, исполненными липис-лазуру, киварию и жидким черным золотом.

Последний в числе многочисленных «изданий» рукописной книги был переписан. Он одалевал ее в тонкую кожу и, положив на семислойную металлическую дошку, ударил по ней молотком, отбрасывая на коже орнамент металла.

Но эти роскошные рукописные издания талантливых произведений Навои служили лишь украшением чертогов восточных палат. Они и тогда, много веков назад, были такой же редкостью, как и сейчас, когда их охраняет музейная тишина.

Б. КРИНИЦКИЙ.

ЮБИЛЕЙНЫЕ ИЗДАНИЯ

На русском языке вышла в научно-популярной серии (издательство Академии наук СССР) книга проф. Е. Бертельса «Навои» (опыт творческой биографии).

Соститиздат выпустит две книги. Первая — «Литрика» под редакцией Е. Бертельса в Л. Пенковском. Эта книга является первым сборником лирических стихов поэта на русском языке. В ней помещены 155 стихотворений. Вторая — пять поэм: «Смытение праведных», «Девлет и Междун», «Фархад и Ширин», «Семь планет» и «Вал Искендера». Эта книга впервые на русском языке дает в несколько сокращенном виде все части «Патерицы». Переводы сделаны М. Тарловским, С. Липиним, Л. Пенковским и В. Державиным. Редакция А. Девлет и Л. Пенковскому. Книгу иллюстрировал худ. В. Кайдалов.

В издательстве «Советский писатель» в серии «Библиотека поэта» выходит под редакцией А. Девлет в Л. Пенковском том избранных поэтических произведений поэта (литрика в поэм).

В «Детгизе» вышла две поэмы — «Фархад и Ширин» в переводе Л. Пенковской и «Девлет и Ширин» в переводе С. Липини.

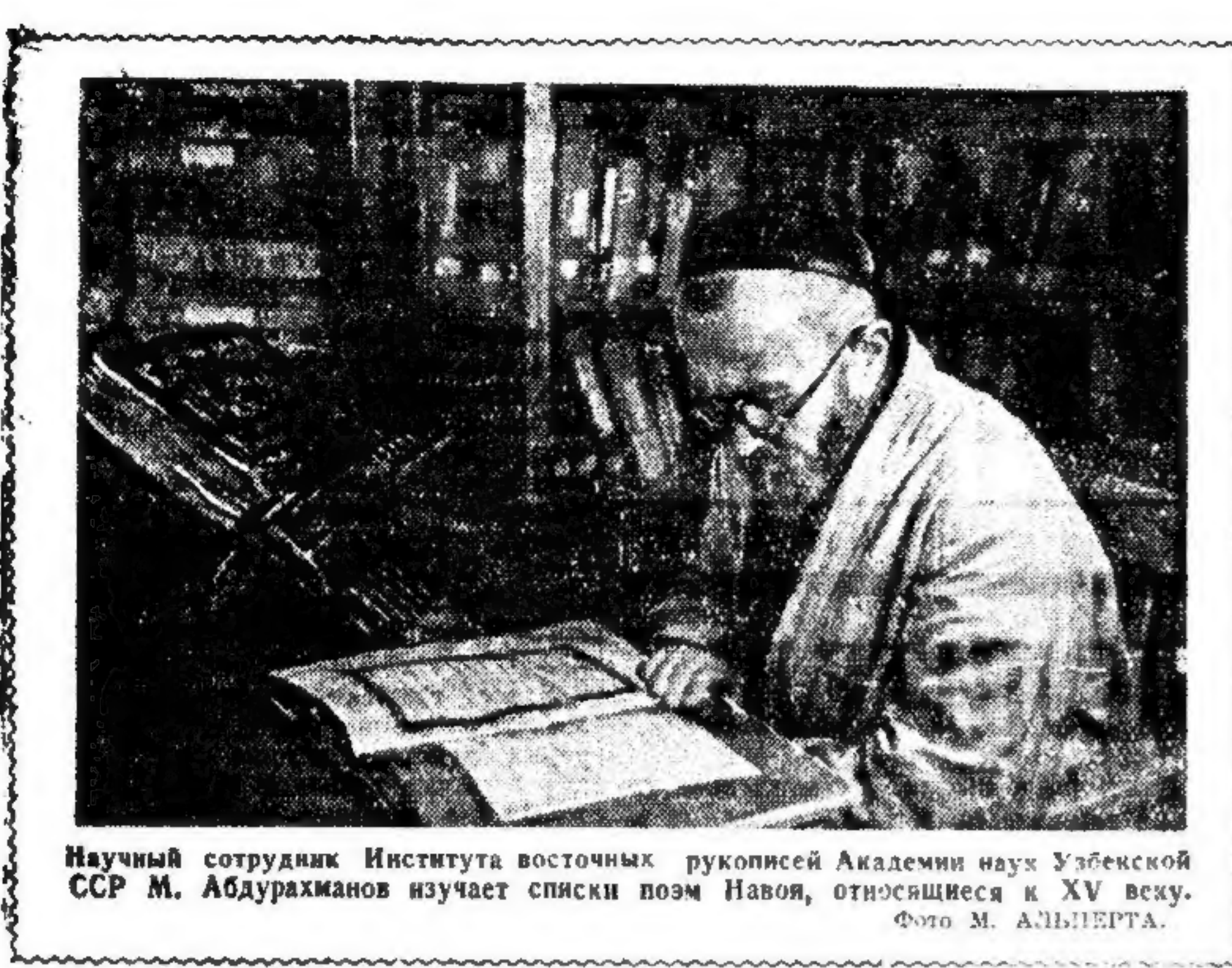
НАВСТРЕЧУ ПРАЗДНИКУ

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.). Из Ленинграда отправлены на самолете в Ташкент 200 экземпляров напечатанного на старом узбекском языке философского труда Алишера Навои «Возлюбленная сердца». Как известно, это последнее произведение великого узбекского поэта, созданное в 1500 году. Дошло до нас в десяти списках. Ленинградский ученый А. Н. Кононов к 500-летию со дня рождения Навои закончил работу над своим текстом поэмы, изданным сейчас ленинградским отделением издательства Академии наук СССР. Высланный самолетом книга предназначена для участников юбилейных торжеств в Ташкенте.

КИЕВ. (Наш корр.). Из Киева в Узбекистан на празднование 500-летия со дня рождения великого узбекского поэта-гуманиста Алишера Навои выехала делегация писателей в составе П. Усенко, Н. Терещенко, Н. Ушакова. Делегация повезла в подарок экземпляры изданной на Украине выдающейся поэмы Алишера Навои «Фархад и Ширин» в переводе поэта М. Бажана.

В Казани на татарском языке вышла поэма Алишера Навои «Фархад и Ширин» в переводе А. Исламова. Книга иллюстрирована рисунками художника Л. Фаттахова. На снимке: иллюстрации из книги.

Научный сотрудник Института восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР М. Абдурахманов изучает списки поэм Навои, относящиеся к XV веку. Фото М. АЗЫНОВА.

В. ЗАХИДОВ,
член-корреспондент Академии наук Узбекской ССР

ВЕЛИКИЙ ПРАВДОЛЮБ

Жесток и мрачен был XV век — эпоха, в которую творил Навои. Народ бедствовал под игом беснующихся владык. Огромные феодально-карикательные и чиновничьи земельные владения обрабатывались руками крестьян, превращенных в бесправных, истощенных рабов. Непосильные налоги лишали народ всего, что он добыл своим трудом. Тяжким бременем ложилось на его плечи непрерывные войны и междоусобицы феодалов.

Феодалы не только грабили, но и духовно угнетали народ, держа его в плену бескультуры и фанатизма. Для простых людей все дороги в науку, к просвещению были закрыты. Даже родной язык народа был в загоне, писать на узбекском языке считалось позором. Сама наука, ее деятели, их прогрессивные дела и взгляды жестоко преследовались. Так, знаменитый ученый Улугбек был убит, деятельность его астрономической школы и обсерватория прекращены. Поэта Хусейна зверски пытали, а затем и казнили за стихи, противоречившие некоторым теоретическим основам религии ислама.

В эту мрачную эпоху трудно было поднять голос протеста против гнета и разорения. Такой подвиг совершил Ахшпер Навои, великий правдолюб.

Низамиддин Ахшпер, подписавший свой стих «Навои», что значит «мелодичный», родился в Герате 9 февраля 1441 года и умер 3 января 1501 года.

Навои выступил как прогрессивный государственный деятель и многое сделал для предотвращения губительных междоусобиц, для подъема благосостояния страны и народа, для развития культуры. Он построил около 370 различных общественных зданий — учебных заведений, больницы, бани и т. д. Он организовал и направлял научно-литературную жизнь, покровительствовал деятелям науки и искусства.

Но главная заслуга его в том, что он создал свои бессмертные творения, вложив в них живую душу мыслителя-гуманиста. Стремясь помочь трудовому народу приблизиться к культуре, он писал не на персидском — правдолюб — языке, а на родном, узбекском, призывая к этому и других. В упорной борьбе Навои отстаивал жизненные права родного языка: теоретически и на практике он раскрыл все его богатства и доказал, что на этом языке можно создавать любые литературные и научные произведения.

Бескорыстное и верное служение народу, родине, прогрессу — вышедший издал Навои, лейтмотив его творчества. В то время как разнузданная феодальная знать втоптала в грязь достоинство и честь людей из народа, великий поэт утверждал, что назначение всего сущего есть незыблемое служение интересам человека. В то время как в феодальном обществе проповедывалась идея глупости мира, Навои утверждал, что природа содержит в себе все возможности для счастья человека и что надо любить все, связанное с этим счастьем, — природу, реальную жизнь, прекрасное в ней. Надо раскрыть богатства природы и поставить их на службу людям, а это могут сделать лишь наука и светлый разум.

О тмк сказано и отношение Навои к труду. Он подчеркивал облагораживающую роль труда, его исключительное значение в жизни человека. Он воспевал труд, красочно рисует эпизоды созидательной, общественно-полезной работы. Он предупреждал, что тех, кто сам не трудится, непременно постигнет несчастье. Все симпатии Навои — на стороне людей, занимающихся общественно-полезным трудом. Он писал о крестьянах:

Благоустройство мира — от них,
Радость людей — от них.
Удовольствие их труд,
Давший стране силу и счастье!

В то же время он с сарказмом бичевал туземцев, живущих, велящихся и богатеющих за счет людей труда, за счет народа. Он смело критиковал грабнивших народ правителей, чиновников, духовенство.

«Все они — скорпионы, приносящие вред народу», — бросал он в лицо парам и приворогам. О духовенстве, о шейхах, алчавших сознание народа, писал:

«...Шейхи перебирают четки и совершают длинные намазы лишь для того, чтобы люди видели это. Все, что они произносят, есть обман, все их действия преследуют корыстные цели. Их движения, выдаваемые за богослужение, их святость — искусственные, все, что они говорят, — вымысел... Они так ловко правят своей пастью, так хитро обманывают и грабят, что самые ловкие в обмане дьяволы могли бы завидовать им и брать с них пример».

Наследие Навои поистине колоссально, его поэтическое творение — бессмертно. В советской стране, благодаря Ленино-Сталинской национальной политике нашей партии, лучшее из творчества великого поэта стало достоянием трудящихся всех национальностей; оно обогащает социалистическую культуру братских народов Союза, укрепляет между ними узы дружбы.

© Юбилейные правдодолюб, посвященные 100-летию со дня рождения, были опубликованы в связи с войной.

Е. БЕРТЕЛЬС,
член-корреспондент Академии наук СССР

В ореоле бессмертия

Когда тридцать лет назад я впервые приступил к изучению старорусского языка, мне почти тотчас же пришлось познакомиться и с произведениями Навои. Среди рукописей Азиатского музея Академии наук мне попалась поэма «Язык птиц», замесом которой сложился у великого поэта еще в детские годы, но которая была завершена им лишь на склоне дней, за год с небольшим до кончины. Поэме этой востоковеды особого внимания не уделяли, считая, что она всего-навсего — перевод на старорусский язык поэмы персидского поэта Фериддини Аттар, известной под названием «Разговор птиц». С поэмой Аттар я был знаком хорошо, и мне захотелось выяснить, как справился Навои с переводом.

Каково же было мое удивление, когда я обнаружил, что поэма Навои никак не может считаться переводом, что если она и имеет точки соприкосновения с поэмой Аттар, то все же вполне оригинальна. Более того, по основному тону своему она резко отстоит от всего творчества Аттар. Персидская поэма пропитана духом мрачной таинственной мистики, она сурово осуждает все радости «бренного» мира. От поэмы Навои веет глубиной, искренней любовью к человеку, сочувствием к его горестям и страданиям, желанием эту страдания облегчить.

Классическая поэзия Ближнего и Среднего Востока в большей своей части — характерный продукт феодальной эпохи. Типичная для нее черта — отсутствие выраженной индивидуальности поэта. Берется небольшое количество стихов и создается бесконечное количество на них. Когда просматриваешь сборники газелей даже довольно крупных авторов, начинаешь чувствовать, что читаешь все время одно и то же стихотворение, у которого только меняются метр и рифма.

Уже при первом знакомстве с творчеством Навои мне бросилось в глаза, что оно составляет исключение из этого правила. Оно обладает резко выраженной индивидуальностью, за планшными стихами стихов чувствуется сильная, своеобразная личность. Даже не зная биографии Навои, только знакомая с его поэмами и лирикой, можно сразу почувствовать, что создатель этих произведений способен был человек, обладавший каким-то исключительным талантом. Произведения эти полны особой мягкостью, сочетания мудрости с легкостью и тонким юмором, умением снисходительно относиться к человеческим слабостям и неприкрытой нежностью ко всем тем, кто в той или иной мере отражает жизнь человека.

И если, изучая творчество многих других поэтов, поражаешься совершенству форм, отточенности мыслей, остроте конфликтов, то читая Навои, начинаешь забывать, что все эти качества есть и у него, и, прежде всего, начинаешь любить прекрасного человека, чистая душа которого светится в звуках стихов. Эта любовь двигала пером, когда двадцать лет назад я писал свою работу «Навои и Аттар». Я писал ее, не рассчитывая на-либо опубликования, но располагая лишь самыми общими сведениями о жизни Навои и его эпохе. Изучение источников пришло позднее. И вот изучение их показало, что чувства, которые во мне пробуждали его произведения, он, видимо, испытывал и у своих современников. Этот поразительно скромный, тихий, полный достоинства человек стал в Герате XV века средоточием всего талантливого и передового на Ближнем и Среднем Востоке. Тут были и почтенные старые мастера, и юные гениальные художники, музыканты и певцы, мастера-каменщики и голшары. Источники рассказывают нам поразительно верную картину: все эти люди собирались к Навои не только потому, что от него можно было получить щедрый дар, — нет, многим из них дорога была его душа, его слово, его советы, его поддержка, его указания на недостатки, которые нужно исправлять.

Навои в своих произведениях о себе говорит очень мало. Его исключительная, почти болезненная скромность препятствовала этому. Он обронил лишь кое-где случайные замечания. Но из них мы видим, что ворота его дома чуть ли не круглые сутки были открыты для всех, кто хотел обратиться к нему за помощью. Прекрасные творения его писались урывками, поздней ночью, при тусклом свете свечей. Народ валил весь день, и временами Навои с отчаянием замечал, что справиться с этим потоком не может, что ему «и в затопке почестей негода».

Не надо, конечно, представлять себе Навои демократом в нашем понимании этого слова. Ни о каком ниспровержении феодализма он не мечтал, да мечтал и не мог. Но, будучи представителем правящей верхушки, располагая богатством, а одно время исключительным могуществом, Навои не закрывал глаза на недостатки господствующего строя. Он ощущал их мучительно, горючо, он домысл себе голову над тем, как их устранить. И его ли вина, что найти решение проблемы в то время и в тех условиях он не мог!

Если современники относились к Навои с совершенно исключительной любовью и уважением, то и поныне имя его среди народов Узбекистана окружено ореолом бессмертия. Широкие массы трудящихся получили возможность беспредельно знакомиться с творчеством Навои только после Великой Октябрьской социалистической революции. В дореволюционном Узбекистане процент грамотных был ничтожен, произведения Навои печатались маленькими тиражами, были дороги. Доступны лишь очень немногим. С сюжетами поэм Навои массы знакомылись преимущественно через передачу народных сказителей; лирика Навои распространялась народными певцами. Эмир и окружающая его хитрая свора, байство, старались всеми мерами приватизировать творения Навои, астоковывать их в своих интересах.

И несмотря на эти крайне неблагоприятные условия, имя Навои не переставало быть близким и дорогим узбекскому народу. Народ окружил его имя прекрасными легендами, в которых Навои выступает защитником всех обиженных и обездоленных. Этот ореол образовался вокруг имени Навои не случайно. Обширные могут отдельные критики. Оценка народа никогда не бывает неверной. Придворные поэты средневекового Востока лезли из кожи, стремясь доставить популярность своим повелителям, в пышных одах они называли этих кровожадных деспотов святыми и мудрыми, готовы были признать их чуть ли не пророками, но все эти усилия ни к чему не привели. Народные сказители, выражаясь иными словами, в противоположность придворным поэтам, всегда общались с жестокими правителями и ни на какие уступки не шли.

В массах жила и живет традиция считать Навои защитником трудящихся. Совершенно очевидно, что от современников Навои из уст в уста передавались вести о мудрости и доброте этого великого человека, что традиция эта дожила и до наших дней. И потому-то сейчас, когда узбекский народ, а с ним вместе и вся братская семья народов нашей великой Родины отмечают пятидесятилетие со дня рождения Навои, мы можем сказать, что отмечаем память человека, достойного такой чести, — выдающегося поэта, заслужившего любовь и уважение друга человечества.

Лев ГУМИЛЕВСКИЙ

Многие выдающиеся ученые свидетельствуют, что глубоким интересом к той или иной области науки или техники они обязаны прочтению в раннем детстве научно-популярной книги, научно-фантастической повести. Также же признания приходится очень часто слышать от студентов, инженеров и техников.

Совершенно правильно поэтому, что единственным журналом для рабочей молодежи «Знание — сила» (издаваемый Министерством трудовых резервов) является, как научно-популярный журнал. Скажем заранее — ведется, в целом, с умом, с любовью и пониманием дела.

Журнал издается не первый год и имеет свои заслуги в деле распространения научных, технических и политических знаний. Из опубликованных ранее в журнале статей составлялся выпущенный Лениным в 1946 году хороший сборник «Рассказы о науке и ее творцах».

Однако редакция не сразу нащупала верную дорогу. «Комсомольская правда» в свое время справедливо отметила, что в первых номерах, в погоне за ложной занимательностью, журнал нередко создавал поверхностные, а иногда и неверные представления об истории науки. Иные авторы выдавали в подобострастных, рабешенный тон по отношению к сомнительным зарубежным авторитетам, принимая роль русских ученых в истории мировой науки. Не сразу определилась в журнале четкая и ясная линия. Заслуженная критика, правильно воспринятая редакцией, помогла журналу освободиться от этих недостатков, и в 1947 году на страницах «Знание — сила» напечатано немало таких произведений, которые, наоборот, не раз будут перепечатываться и передаваться. К числу их прежде всего следует отнести превосходное исследование В. Степанова «Домовые и Лавуазье». Статья написана очень живо, воодушевленно и, главное, убедительно. Опираясь рядом интересных исторических документов, автор показывает не только приоритет русского ученого в открытии закона сохранения вещества, но и утверждает, что труды Лавуазье не могли быть неизвестными Лавуазье.

ВЫДАЮЩИЙСЯ РУССКИЙ ЖИВОПИСЕЦ

Наталья СОКОЛОВА
К 100-летию со дня рождения В. Васнецова

Виктор Васнецов прожил большую жизнь. Он родился 15 мая 1848 года, достиг творческого расцвета в 80—90-х годах XIX века и скончался в 1926 году. В годы своей молодости Васнецов слышал и «восторженный гул хвалы» и восторженные отзывы о своих картинах. Но никогда творчество художника не было так высоко и не заслужено оценено, никогда не удостоившись такой популярности, как в наши дни, хотя именно теперь стали вполне очевидными наряду с прогрессивными и бессмертными сторонами его самобытного таланта и те реакционные черты, которые сковывали его творческую личность, обуславливали преждевременный застой в его деятельности.

Так же, как десятки других художников-реалистов, Васнецов прибыл в Петербург из глухой в те годы провинции и сразу попал в атмосферу напряженной идейной борьбы за новую, демократическую школу живописи. В Академии художеств Васнецов явился с несколькими рублями в кармане, но с богатым запасом впечатлений, воспринятых в народной среде, с глубочайшей верой в высокую гражданскую миссию искусства. В Петербурге новый Васнецов встретился с Краскиным и нашел орудие в этом замечательном человеке — идейного руководителя поколения художников-реалистов 70—80-х годов. В бурную эпоху 70-х годов, окруженный плеядой богатейших, которые пробирались новые пути искусства, Васнецов на первых порах выступал как жанрист-лирик, вызвавший жалость и сострадание в «бедных людях». Он отнюдь не был «народным певцом» и изображал его жизненно и правдиво. Эти качества связывали Васнецова с самой прогрессивной группой художников — с передвижниками, с В. Стасовым — трубадуном новой школы живописи.

В 1880 году Васнецов выступил с картиной «После побоища Игоря Святославича с половцами», которая резко отличалась от его ранних работ и определяла самобытный путь художника в русской реалистической живописи. Картина вызвала острую полемику. «Изгусты очень мало, условности сыплются много», — писал В. Стасов, почитатель раннего Васнецова-жанриста.

Новое полотно Васнецова не походило на батальную картину в прямом смысле слова. Трагический финал сражения, «храбрые русичи», павшие за землю русскую, красота подвига во имя Родины — вот настоящая тема Васнецова. Он сознательно отказался от изображения «ужаса и безобразия» битвы (что ставил ему в вину Стасов). Задача художника была значительно глубже, ее отличали новизна Репина и П. Чистякова — «всехобъемлющий педагог» русских художников конца XIX века.

Художник — и в этом отныне была его творческая задача — пригласил к полю боя парад, который донес до нас автор «Слова о полку Игореве», и создал по мотивам этого произведения поэтический образ воина русской земли. В поэтическом народном чувстве героика национальной истории, русского эпоса заключалась не новая и бессмертная, что так возмущает в наших глазах автора «Побоища» и «Богатырей».

Реализм, пронизанный романтикой, требовал от художника своеобразных живописных средств. В яркости, чистоте и богатстве «колеров» народного творчества искал он законы своей красочной гаммы. Возмущенное, яркое изображение Васнецовым русского народа-богатыря, его подвиги находят сердечный отклик у советских людей, особенно в годы Великой Отечественной войны. В понимании национальной истории в свете народных

действий двигателя на 50% — полезнее, чем все автомобильные фантазии». Нежизненность нашей научной фантастики несомненно является наиболее досадным ее свойством.

Беллетристические повести о профессорах И. Игнатьеве «Мастера идут в лагу», А. Князь «Мастер и его ученики» не блещут художественными достоинствами, но представляют, конечно, большой интерес для читателей, стоящих перед выбором профессии. Над этим важнейшим разделом редакции журнала еще предстоит поразмыслить и поработать. В каком направлении должны идти эта работа и размышления подсказывает С. Болдырев. Его «Охотники за микронами» — не беллетристика, а простой рассказ о трудной, увлекательной профессии лекашки, но написанная так живо, что может поспорить по доходности с художественным произведением.

Мы все знаем, какое огромное значение для юного читателя имеет внешний вид журнала, количество и качество иллюстраций, являющихся для него абсолютным необходимым дополнением к тексту. Поэтому следует сказать, что в трех номерах, вышедших в текущем году, оформление журнала ухудшилось.

Дело в том, что журнал фантаскических издается не Министерством трудовых резервов, как значится в его подзаголовке, а группой энтузиастов, которая представляет одновременно и редакционную коллекцию, и хозяйственную организацию. Собственное издательство министерства никакого отношения к журналу не имеет, да по слабости своих полиграфических средств и не желает иметь.

Журнал не только доказал свою жизнеспособность: он нашел дорогу к своему читателю, полюбился ему, стал другом и советчиком для десятков тысяч пытливых подростков, готовящихся к вступлению в самостоятельную трудовую жизнь.

Этого не замечают, а сожалению, лишь те, кому следовало бы постоянно следить за этим журналом, помогать ему, заботиться о его росте и совершенствовании.

Журнал не только доказал свою жизнеспособность: он нашел дорогу к своему читателю, полюбился ему, стал другом и советчиком для десятков тысяч пытливых подростков, готовящихся к вступлению в самостоятельную трудовую жизнь.

Этого не замечают, а сожалению, лишь те, кому следовало бы постоянно следить за этим журналом, помогать ему, заботиться о его росте и совершенствовании.

О СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

СЛОВА И ДЕЛА

Николай ПОГОДИН

Такие не новые и тем не менее «самые свежие» по моде и распространенности понятия, как «железные занавес», «война нервов» и «холодная война», не принадлежат советским людям. Этих терминов просто-напросто не найдешь в словаре современного нашего разговорного языка. Они чужды нашему мышлению. И если эти термины появлялись на страницах советской печати, то только в кавычках, как «чужие слова»...

И надо прямо сказать, что эти чужие слова, отражающие чужие нравы, никак не проникли в народную жизнь и никакой «забыли» не составили. Было бы полезно обратиться к нашему колхознику, к рабочему, инженеру с вопросом о том, насколько понятен ему, скажем, «холодная война». Может даже оказаться, что за великим множеством горячих дел он и пропустил мимо ушей этот мрачный по содержанию и угрожающий по форме термин. Что делать... Вывод, так сказать, пропустил, не учел, не проник.

Миллионы советских зрителей восторженно аплодировали, когда легендарный герой гражданской войны Чапаев в знаменитом фильме с железным спокойствием встречал «психическую атаку». Сцена эта взята из жизни, и наша жизнь здесь как раз и выражала свои коренные и типические особенности.

При ближайшем рассмотрении явленная «психическая атака» окажется истерической атакой. Это почти припадок, когда разум затмевается ослепительностью.

Если, скажем, хертовская печать впадает в ослепительный припадок «психической атаки» против Советского Союза, то мы рассматриваем это, как традиционное хулиганство определенной части американской прессы. Иные люди, слышавшие в обществе «порочными», называют хулиганов быть у соседей стекла. Хертовские молодцы никогда не скрывали, что они и есть мастера сих дел.

Если, скажем, журналист Липпман, этот «свинопас по русским делам», пишет о том, что «мы (?) выбрали (?) Турцию и Грецию не потому, что они особенно нужны, а в помощи, в не потому, что они являются блестящими образцами демократии, но потому, что они представляют собой стратегические ворота, ведущие в Черное море и к сердцу Советского Сою-»

за, то мы можем рассматривать эту психическую ослепительность, как грубую выходящую реакцию журналиста.

Но генерал Омар Браун — не Херст и дипломат Джон Фостер Даллес — не Липпман. Когда их слова, высказываемые на общественных собраниях или в сенате, более или менее совпадают с журналистской дурной и необузданной тоной, то вольно-невольно приходится согласиться с теми людьми в Америке и Англии, которые давно уже разоблачают «войну нервов».

Нервы, на которые рассчитывается такая «война» или «психическая атака», оказались достаточно крепкими. Трудно вывести из состояния полного душевного и физического равновесия редкого советского человека с его живым историческим опытом. Не было случая в истории советского государства, чтобы его правительство поддалось на вызывающие или замаскированные провокации, которые всегда исходили из одних и тех же кругов. Воля к миру и дружбе между народами никогда не покидала советских людей.

Потому и монолитен советский народ своим морально-политическим единством, что его воля непоколебима, последовательна, честно выполняется советским правительством.

«Чужие слова», о которых говорилось выше, не могли возыметь эффекта, когда речь идет о советском народе. Не мы авторы этих понятий, и нам не от чего отказываться. Но всякий шаг, всякое слово, направленное к истинному укреплению дела мира и дружбы народов, любой советский человек всегда готов не оставить без внимания и не пропустить мимо ушей, а пойти навстречу всякому искреннему проявлению миролюбия и дружбы.

Так оно и было, когда правительство США через своего посла в Москве г. Смита обратилось к известным сейчас всему миру заявлениям в правительстве СССР. Наме правительство, выражая, как всегда, волю всего советского народа, в ответ на заявление подчеркивало свою готовность к практическому урегулированию советско-американских отношений.

И тут произошло нечто, на первый взгляд, весьма парадоксальное (во всяком случае для тех, кто не слишком иску-

шен во всех «тонкостях» буржуазной дипломатии). Американские правящие круги, видимо, были очень разочарованы и даже раздосадованы быстрым положительным ответом СССР, вновь доказавшим полноту миролюбия великой советской державы. Последовавшие затем предупреждения Трумэна и Маршалла о том, что «политика США остается неизменной», производят такое впечатление, будто некоторые политические деятели США считают, что они зашли в своем «миролюбии» слишком далеко. Более или менее оптимистический тон американской печати после нескольких закрытых пресс-конференций в Вашингтоне, словно по команде, изменился весьма резко и возмущается сейчас на читательские массы, как своего рода «холодный душ»!

Военный психоз в США, возникший в результате длительной и упорной кампании, развязанной реакцией, достиг таких масштабов, которые в последнее время поставили в затруднительное положение правящие круги США. В этой обстановке от них потребовались срочные шаги для успокоения общественного мнения.

Такое успокоение появилось — было, когда американцы узнали об обмене заявлениями между послом Б. Смитом и В. М. Молотовым. Однако оно столь же быстро стало рассеиваться в результате того, что руководители американской политики сразу начали бить отбой. Этот новый маневр американских политиков вызвал критиче-»

скую даже на страницах консервативной американской печати. Газета «Вашингтон пост» пишет, что правительство упускает возможность рассмотреть вопросы, поставленные советским правительством, и что «не может быть никакого оправдания отсутствию попыток вести переговоры об урегулировании». Даже «Нью-Йорк геральд трибюн», которая, перестроившись, сейчас настойчиво охлаждает энтузиазм читателей, констатирует, что «Белый дом и государственный департамент не ответили достаточно тепло на призыве Советским Союзом американского предложения».

Что касается советских людей, то у нас, как известно, слово никогда не расходится с делом. В этом могут еще раз убедиться и соответствующие американские политики, если они действительно захотят со всей искренностью провести свое собственное предложение в жизнь.

Но, видимо, как раз это и нужно некоторым политическим деятелям США, которые особенно заинтересованы в том, чтобы американский народ не имел точного и верного представления о политике Советского Союза, о настроении в жизни советского народа. Если судить по американской прессе, это отупление детей происходит в США не в силу каких-либо случайных причин, а нарочно проводится определенными кругами.

Треть миллиарды долларов на вооружение, американские реакционеры в то же время остро сопротивляются ассигнованию средств на школьные нужды. Сенатор Мартин, выступая в сенате против ассигнований на образование, заявил, что они уменьшат финансовую мощь США, необходимую для того, чтобы «сдержать Россию».

А Россия, «сдерживать» которую собирается сенатор Мартин, в отличие от США с каждым годом все более уменьшает ассигнования на военные нужды и все более увеличивает ассигнования на школы.

Понятно, что в Советском Союзе обмен заявлениями между правительствами США и СССР был встречен с живым интересом. В этом оказалась также глубокая уверенность широких кругов советского народа в правильности внешней политики своего правительства. Но высказывания американских правительственных деятелей, последовавшие уже после обмена заявлениями между США и СССР, заставляют меня усомниться в искренности заявления, сделанного американским послом г. Смитом.

Продажные братья Масуди

Персидское слово «эттеляат» означает «известия». Так называется одна из персидских газет, имеющая значительный тираж и являющаяся как бы полуофициальным реакционным кругом Тегерана. Какие же известия преподносит читателям эта газета?

В осенние дни 1941 года оборванные мальчишки-газетчики бегали по тегеранским улицам с «эттеляатом» в руках и истоскованными голосами кричали: «Прибытие немцев на Кавказ!». «Новые победы Гитлера!». Страницы газеты пестрели своими немецкими компаниями и многочисленными сообщениями из Берлина. Все это давалось в сенсационном, крикливом духе, враждебном Советскому Союзу.

Даже после того как войска союзников выступили в Иран, «эттеляат» продолжала выступать в защиту немецких фашистов. Так, например, газета напечатала статью, возмущавшую против закрытия итальянской и германской миссий в Тегеране. Это было наглое выступление, проинспирированное не кем иным, как самим Гейбелсом.

Размалеванная яркими красками грабительское нашествие немецких фашистов на мирные европейские города и села, газета «эттеляат» сразу же сняжала тон, когда речь шла о победах войск союзников, в частности, советских армий. В таких случаях появлялись так называемые опечатки, и в телеграфических сообщениях вместо «Красная Армия побеждает» печатались: «Красная Армия не наступит...»

Ярые фашистские пропагандистские материалы печатались газетой «эттеляат» на персидском языке, перепечатывались в газете «Журнал де Тегеран» на французском языке, передавались по тегеранскому радио.

Хозяевами и редакторами упомянутой газеты являются неизвестные в Иране Аббас Масуди и его братья Джавад и Мохамед Али Масуди.

Всякому здравомыслящему иранцу еще тогда было ясно, с чьего голоса лют Аббас Масуди и его братья. Уж слишком схожи были известия «эттеляат» с известиями Гейбелса.

Но вот совсем недавно, в апреле этого года, тегеранская газета «Демократ Иран» опубликовала статью, которая на основании документальных данных выводит на чистую волю матерого фашистского агента, чей рукой поддал Гейбелс по страницам «эттеляат».

Реклажка газеты «Демократ Иран» в номере от 13 апреля напечатала текст официального доверия германского посланника в Тегеране Эттеля министру иностранных дел Германии. В этом доверии, датированном 31 августа 1940 года, говорится буквально следующее:

«Аббас Масуди, редактор здешних официальных газет «эттеляат» и «Журнал де Тегеран», намерен на два месяца выехать в Германию. Эта поездка заслуживает всяческой поддержки... В течение этих последних недель в той мере, в какой это позволит здешнее правительство, мы будем поддерживать германское посольство и газетой «эттеляат» установилось очень хорошее сотрудничество».

В течение последних двух месяцев нам удалось обеспечить преобладающее место для статей из германских источников среди повседневных материалов газеты «эттеляат». Руководители этой газеты с большой охотой используют для своих переизданных материалов, посылаемых из германского посольства».

В том же письме Эттель сообщает: «Это развитие событий оказалось возможным особенно в результате желания и воли молодого Масуди, который является фактическим редактором газет «эттеляат» и вместе с тем секретарем этой газеты и который придерживается дружеских политических взглядов в отношении Германии».

Учитывая симпатии Масуди в отношении национал-социалистской Германии, будет вполне уместно, если указанным лицам, которые собираются посетить Берлин, Лейпциг и Мюнхен, будет дана возможность как можно больше понаблюдать для того, чтобы использовать это для пропаганды здесь».

Свидетельство более чем красноречивое! Во время поездки в Германию Аббас Масуди не только «понаблюдал», но и привез с собой типографское оборудование — дар Гейбелса за его заслуги перед гитлеровцами. Что касается «впечатлений» от пребывания в фашистской Германии, то они обильным потоком лились

со страниц «эттеляат» в виде напечатанных фашистского режима и Гитлера.

Известно, что служба у немецких фашистов является не единственным позорным пятном в политической биографии Аббаса Масуди. В молодости он прошел основательную выучку у маэстро прессы персидского народа и иностранного агента Сейд Зия-ад-Дина. Масуди был своего рода служкой в редакции бульварной газеточки, которую называла Сейд Зия. Опытного деда привлекала как восточная милитарность этого юноши, так и политический нюх, способность быстро собирать слухи, стращать домыслы, шантажировать, вымогать.

Аббас Масуди вскоре бросил торговлю в мясной лавке отца, стал владельцем небольшой газеты и начал пробовать себя в политическом интригане и спекулянте, чему мог вдоволь поучиться у своего патрона.

Через несколько лет Аббас Масуди становится придворным либеллюмом Реза-шаха. Безудержные либеллы по адресу диктаторской династии Пехлеви обратили внимание Реза-шаха, который сделал Масуди придворным журналистом, а затем и депутатом иранского мейлиса.

Масуди усердно служил и Реза-шаху и Гейбелсу. Предательскими связями с германскими фашистами, интригами в вымогательстве, шантажом и прямыми взятками Масуди нажил большое состояние и превратил свою газету в самую обеспеченную и распространенную в Иране.

Искусный политический хамелеон, Аббас Масуди умеет ловко приспосабливаться к часто меняющимся правителям Ирана и не менее ловко — к иностранным посольствам.

В 1943 году Масуди почувал, что дела у Гейбелса плохи. Он быстро изменил свой внешнеполитический курс и занялся поисками нового хозяина. Масуди отплыл в Палестину для встречи новоизбранного «спасителя» Ирана и своего бывшего патрона Сейд Зия-ад-Дина. Старый политический проходимец возвращался в Иран после многолетней эмиграции, чтобы оплотить счета за свое содержание на зарплатных хлебах. Когда с помощью иностранцев он сделался депутатом иранского мейлиса, брат Аббаса — Джавад Масуди вышел во фракцию «Михан», которую организовал Сейд Зия из числа матерых реакционеров, проводников колониаторской политики. Сейд Зия дал своей фракции коммунистическое название «Михан» — «Родина». Однако единственное отношение, какое имели Сейд Зия и его сообщники к своей родине, заключалось в том, что они продавали ее оптом и в розницу.

Аббас Масуди официально не вошел во фракцию «Михан». Он пытался ридаться в тогу «независимого патриота», но неизменно проводил в межделье ту же линию, что и Сейд Зия, — линию, направленную на забавление Ирана, на реставрацию старых диктаторских порядков в стране, против каких бы то ни было демократических преобразований. Газета «эттеляат» являла выступала против демократического движения в Иране, клеветала на азербайджанских демократов, требовавших прогрессивных реформ.

Вместе с тем Масуди был и остался противником установления дружественных отношений между Ираном и Советским Союзом. Он находился в числе тех реакционных депутатов мейлиса, которые, вопреки воле иранского народа, отклоняли известный проект о создании смешанного советско-иранского нефтяного общества. 19 октября 1947 года иранская газета «Ада» прямо писала по этому поводу, что «Аббас Масуди участвовал в конспиративном собрании по ответу Кавам-ас-Салтане о северной нефти и в составлении резолюции мейлиса об отклонении советско-иранского соглашения от 4 апреля 1946 года».

Со времени поездки в Берлин Масуди не потерял интереса к заграничным путешествиям. Он уже сдвинул и за океан, в Америку. Новое путешествие — новые друзья. Если раньше в «эттеляат» печатались сообщения из Берлина, то теперь появляются известия из Нью-Йорка и Вашингтона. Яркие заголовки газетных трестов Херста и Маккарника по адресу Советского Союза и стран новой демократии быстро находят место на страницах «эттеляат».

В последнее время прогрессивные иранские газеты разоблачают подзудную деятельность американских военных советников в Иране, которые при попустительстве властей начали козляничать в иранской армии и жандармерии. Американцы называли Ирану соглашение, которое угрожает независимости страны. Но глум и нем в этом журавель «патриот» Масуди. «эттеляат» молчит. Говорят, что молчанье — золото. Это относится к Масуди в самом прямом и буквальном смысле слова. По зря газета «Маром» писала о братьях Масуди, что «они когда-то любили фунты стерлингов, а в последнее время штатит неравнодушно к долларам».

Что и говорить: продажные братья — все вместе и каждый в отдельности!

ВЫСТАВКА КНИЖНОЙ ГРАФИКИ

В Доме культуры Армянской ССР открыта первая выставка книжной графики. На ней представлены работы тридцати шести художников.

На выставке состоялось совещание художников с издательскими и полиграфическими работниками, на котором были обсуждены пути повышения качества книжного оформления. Участники совещания отмечали достижения издательства в оформлении сочинений классиков марксизма-ленинизма. В этих изданиях найдены черты советского стиля оформления.

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ.

Редакционная коллегия: Н. АТАРОВ, А. БАУЛИН, Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ.

Л. ПОМЕРАНЦЕВА,

высшаяшая учительница РСФСР

НАША МИРОЛЮБИВАЯ ПОЛИТИКА

Я, старая русская учительница, далека от всех перипетий дипломатических взаимоотношений. Но заявление, сделанное 4 мая послом США в Москве г-ном Смитом, породило у меня мысли, которыми я хотела бы поделиться.

Прежде всего возникает естественный вопрос: выражает ли это заявление действительное желание американского правительства добиться улучшения советско-американских отношений? Или, быть может, оно продиктовано какими-либо соображениями, в частности, желанием американского правительства оправдать себя в глазах мировой общественности и собственного народа? Наконец, не предвзятый ли это попросту маневр?

Обмен заявлениями между правительствами США и СССР мог бы привести к установлению атмосферы взаимопонимания.

Но, очевидно, некоторые круги в Америке не заинтересованы в установлении такой атмосферы.

Г-н Смит объяснил неудовлетворительность советско-американских отношений «тенденциями советской политики». Это не так. Это явное искажение истины, которое без труда можно опровергнуть всем известными фактами. И я полностью разделяю и поддерживаю заявление нашего министра иностранных дел товарища В. М. Молотова о том, что нынешнее неудовлетворительное состояние советско-американских отношений и напряженность в международных отношениях являются результатом политики правительства Соединенных Штатов Америки.

Если бы мне предстояло вынести суждение о международной политике Каго-

нибуди государства и об идеалах, которыми руководствуются его деятели, я могла бы очень многое потешиться в этом смысле из заявления г-на Смита, чему и как обучают в этой стране молодое поколение.

Я не бывала в школах Америки. Но я знакома с этими вопросами по статьям в американских газетах. В номере газеты «Нью-Йорк таймс» от 22 февраля мы внимательно привлекли две заметки. В одной из них рассказывается о конференции по вопросам воспитания в средних школах, созванной при Нью-Йоркском университете. Участники конференции высказали справедливые опасения по поводу того, как воспитываются дети в американских школах, в частности по поводу культивирования в них системы «националистически-предубеждений».

Вторая заметка была посвящена преподаванию родного языка в средней школе. Оказывается, этим вопросом занималась специальная конференция, проводившаяся в Нью-Йорке. На ней были обсуждены материалы четырехлетнего наблюдения над 300 тысячами обучающихся в 112 колледжах. Выяснилось, что большинство выпускников американских средних школ не умеет логически мыслить. Конференция пришла к заключению, что такое положение «создает угрозу для демократии Америки».

Конечно, это так: неграмотный, невежественный, алчущий мыслить человек — плохой поборник демократии. Ему легко привить любую шовинистическую идею, выставить поверить в любые бредни, сделать послушным орудием в руках любых аморальных личностей.

Вот почему так важно, чтобы американский народ не имел точного и верного представления о политике Советского Союза, о настроении в жизни советского народа. Если судить по американской прессе, это отупление детей происходит в США не в силу каких-либо случайных причин, а нарочно проводится определенными кругами.

Треть миллиарды долларов на вооружение, американские реакционеры в то же время остро сопротивляются ассигнованию средств на школьные нужды. Сенатор Мартин, выступая в сенате против ассигнований на образование, заявил, что они уменьшат финансовую мощь США, необходимую для того, чтобы «сдержать Россию».

А Россия, «сдерживать» которую собирается сенатор Мартин, в отличие от США с каждым годом все более уменьшает ассигнования на военные нужды и все более увеличивает ассигнования на школы.

Понятно, что в Советском Союзе обмен заявлениями между правительствами США и СССР был встречен с живым интересом. В этом оказалась также глубокая уверенность широких кругов советского народа в правильности внешней политики своего правительства. Но высказывания американских правительственных деятелей, последовавшие уже после обмена заявлениями между США и СССР, заставляют меня усомниться в искренности заявления, сделанного американским послом г. Смитом.

Учитывая симпатии Масуди в отношении национал-социалистской Германии, будет вполне уместно, если указанным лицам, которые собираются посетить Берлин, Лейпциг и Мюнхен, будет дана возможность как можно больше понаблюдать для того, чтобы использовать это для пропаганды здесь».

Свидетельство более чем красноречивое! Во время поездки в Германию Аббас Масуди не только «понаблюдал», но и привез с собой типографское оборудование — дар Гейбелса за его заслуги перед гитлеровцами. Что касается «впечатлений» от пребывания в фашистской Германии, то они обильным потоком лились

Акад. А. СПЕРАНСКИЙ

МЫ ОТСТАИВАЕМ ДЕЛО МИРА

В течение последних лет отношение правящих кругов США к Советскому Союзу вызвало у советских граждан, в том числе и у нас, советских ученых, по меньшей мере недоумение. Для нас весьма было ясно, что истинные американские демократы, антифашисты, сторонники подлинного прогресса и дружбы между народами не одобряли и не одобряют проводимой американской реакцией политики натравливания на идеями и призывами Ялты и Потсдама, скрепленными подписями двух президентов США.

Советские люди настроены дружелюбно ко всем свободолюбивым народам мира. Они пеняли и пенят дружбу американского народа и не забывают живых проявлений этой дружбы во время войны, свидетельствованных о том, что миллионы людей в Новом Свете отчетливо сознают, какой огромный вклад в дело победы над фашизмом принадлежит народам СССР.

Исходя из валиции полного взаимопонимания, существующего в нашей стране между правительством и всеми силами советского общества, наш народ предполагает, что нечто подобное имеет место и в США.

Однако после смерти президента

Рузвельта и особенно после победоносного окончания второй мировой войны мы стали решительно в этом сомневаться. Хотя американский посол в Москве мистер Смит и заверяет советскую общественность, будто сегодняшняя политика правящих кругов США «пользуется поддержкой большинства американского народа».

Мне кажется, что в этом утверждении содержится, мягко выражаясь, преувеличение, ибо политика разжигания военной истерии, пропаганды новой мировой войны и всяческого ухудшения отношений с Советским Союзом не может пользоваться поддержкой такого трезвого, делового, демократического по своему духу и своим историческим традициям народа, каким является американский народ.

Мне известно, например, что знаменитый ученый, глава американского Национального бюро стандартов Кондон следующим образом высказался о политике нынешних правящих кругов в США: «Печально видеть, что самое мощное и богатое из государств находится во власти истерии и страха, для существования которых нет никаких разумных причин, и что оно не способно разрешить междуна-

родные проблемы в духе здравого урегулирования».

Стоит подчеркнуть, что господин Кондон произнес эту свою речь на открытом банкете, устроенном в его честь, на котором присутствовало 127 ведущих ученых США, в том числе 9 лауреатов Пуллитцеровской премии и 70 членов Академии наук. Привлекшие мою слова Кондона были встречены единодушным одобрением всех присутствующих. Это обстоятельство заставляет меня еще больше укрепиться в мнении, что внешнеполитический курс американских реакционеров не выражает истинных стремлений и воли американского народа.

После опубликования заявления правительства США в СССР появились разгласения Трумэна и Маршалла, которые утверждают, что визиты президентов об урегулировании отношений между США и СССР в заявлениях Смита не содержались.

Нью-Йоркский корреспондент английской газеты «Ньюс промис», пытаясь найти объяснение такому поведению американских дипломатов, пишет, что единственным препятствием к конкретным шагам по урегулированию отношений с СССР со

стороны американского правительства является «боязнь потерь престижа, а также того, что такой миролюбивый шаг может быть неправильно истолкован в год выборов, как капитуляция перед коммунизмом». Если корреспонденция права, то выходит, что некоторые круги США стали жертвой своей же собственной пропаганды.

Этой политике разжигания военного психоза, проводимой реакционными кругами США, тесно связанными с крупнейшими монополиями, прямо противоположна внешняя политика Советского Союза, который последовательно отстаивает дело мира, не скрывающего военных блоков, не создавая военных баз в других странах и не допускает каких-либо угроз в отношении кого бы то ни было.

Именно поэтому советский человек будет готов с удовлетворением отметить с возможностью улучшения американско-советских отношений, а следовательно, и к обращению правительства США к правительству СССР. Важно только, чтобы за этим обращением действительно стояли не какие-либо политические маневры, а добрая воля, искренние миролюбивые стремления к урегулированию взаимоотношений между двумя странами.